

ВОСТОК И ЗАПАД Две природы урбанизации – два пути принятия решений

На сегодняшний день человеческая цивилизация сформировала два принципиально разных пути принятия планировочных решений. Условно назовем один из них административно-управленческим, второй – демократическим.

Конкурсный проект Дворца Советов в Москве. 1930-е годы
(Атаров Н. Дворец Советов. М. : Московский рабочий, 1940. 163 с.)

Высотные здания, которые должны были быть построены в Москве по решению советской власти (Последняя высотка [Электронный ресурс]. – <http://nnm.ru/blogs/kryaker41/poslednyaya-vysotka>)

Планировочные решения по многократному расширению площадей для будущих грандиозных народных шествий, единолично принимаемые советской властью. (Последняя высотка [электронный ресурс]. – <http://nnm.ru/blogs/kryaker41/poslednyaya-vysotka>)

Административно-управленческий («советская вертикаль»)

В СССР все процессы градостроительства происходили исключительно по инициативе и с разрешения власти. Сама урбанизация, инициированная советской индустриализацией 1930-х годов, имела «искусственно-принудительную» природу.

Сегодня очень непросто представить механизм принятия градостроительных и архитектурных решений в СССР как целостную систему. Во-первых, потому, что в советское время этот механизм никто критически не анализировал. Во-вторых, потому, что даже сегодня, когда идеологический контроль отпал, ему посвящено ничтожно мало работ. В-третьих, потому, что даже те работы, которые есть, почти ничего не разъясняют в отношении стратегии пространственно-планировочного обустройства территории страны в советское время.

Но одно мы знаем точно: за годы советской власти сформировались не только очень специфические условия градостроительной деятельности, но и особые типы мышления и деятельности архитекторов-градостроителей. Подчеркну – совершенно иные, нежели на Западе.

Это был путь сверху вниз. И характерной чертой этого пути было то, что в СССР все основные градостроительные решения принимались без участия тех, для кого они принимались.

Какой будет планировочная структура, решали не архитекторы (и уж тем более не жители), а власть. Будут ли здания управления городом расположены в одном или в нескольких центрах, диктовала тоже она; могли ли улицы городов быть криволинейными или должны быть прямолинейными – определяла тоже власть. И то, что жилые кварталы должны быть прямоугольными, и то, что застройка должна располагаться по периметру, а не торцами домов к улице, – все это решала власть. Архитекторы лишь исполняли эти предписания.

Содержание градостроительного решения предопределяли не талант и фантазия архитекторов, а единое

народнохозяйственное планирование, централизованное финансирование, лимитированное материально-техническое снабжение, принудительные формы организации внутригородской жизни и деятельности, полный запрет частного предпринимательства в городском хозяйстве и введение взамен его тотальной распределительной системы снабжения продуктами, вещами, услугами, отсутствие рынка недвижимости, взамен которого существовала государственная система предоставления работающему населению жилищ, отсутствие реального самоуправления развитием территорий.

Огромную роль играла система нормативных показателей, регулировавших: а) плотность застройки, б) баланс территории, в) показатели стоимости строительства. Их нельзя было изменить никакими доводами.

В 1920-е годы начали складываться урбанистические постулаты, которые потом в течение долгого времени просуществовали в СССР в неизменном виде:

- советский город – это всегда поселение при производстве (разновидность «рабочей слободы»);
- численность населения в советском городе рассчитывается заранее, принудительно комплектуется, а затем строго регулируется за счет записи в паспорте о месте жительства («прописка»), которую можно менять лишь с согласия начальства;
- поселение всегда имеет один главный центр, в котором расположены здания власти и главные общественные здания;
- типология жилища определяется не желанием людей или творческой фантазией архитектора, а нормативными стоимостями квадратного метра, показателями расхода материалов и проч.; она была абсолютно безразлична конкретному человеку с его индивидуальными потребностями, потому что проектирование оперирует среднестатистическими характеристиками массового потребителя и предписываемым свыше уровнем инженерного оборудования;

– социальный заказ отсутствует, потому что цели, задачи и содержание проектной деятельности, стратегии и реализационные возможности определяет и диктует единственный «заказчик» – советское государство; – и т. д.

Вся урбанизация в СССР начиная с 1929 года, с первой пятилетки, представляла собой искусственный, целенаправленно осуществляемый процессом. Основной задачей новой пространственной конструкции страны большевики считали «обеспечение экономического сжатия пространства». Достигалась это за счет «магистральной» (оптимизация транспортной сети, повышение скорости движения и провозоспособности) и «агломерирования» (повышение доли экономически коротких связей в производственных процессах и расселении).

Даже не подозревая о наличии термина «агломерация» (да его и не существовало в тот период), советская власть в точном соответствии с ее принципами (которые будут сформулированы много позже – через тридцать лет) создавала в базовых ареалах расселения крупные урбанизированные территории (впоследствии довольно хаотично развивавшиеся, несмотря на все попытки централизованного управления ими).

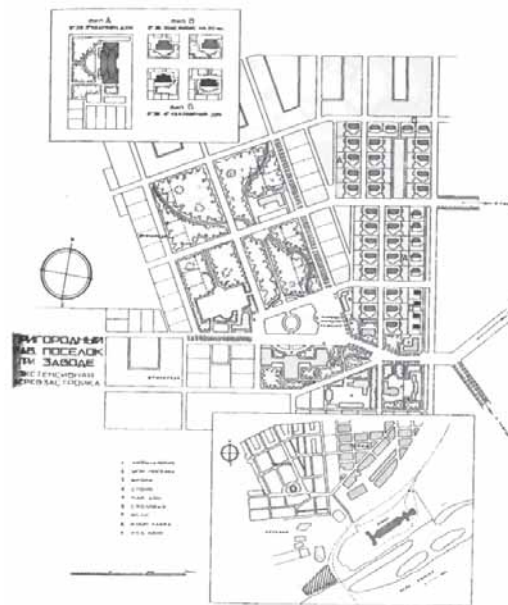
Советская власть была уверена, что без урбанизации ей не удастся решить задачу индустриального развития страны. В итоге советская урбанизация была, с одной стороны, следствием развития военной индустрии, а с другой – ее условием. Они сгоняла на пустые места, в города-новостройки прежде всего бывших крестьян, но не только их, а и другие очень разные группы населения, превращая всех в очень своеобразную в соци-

ально-культурном отношении группу «люмпен-горожан», стремительно растущую в своей численности.

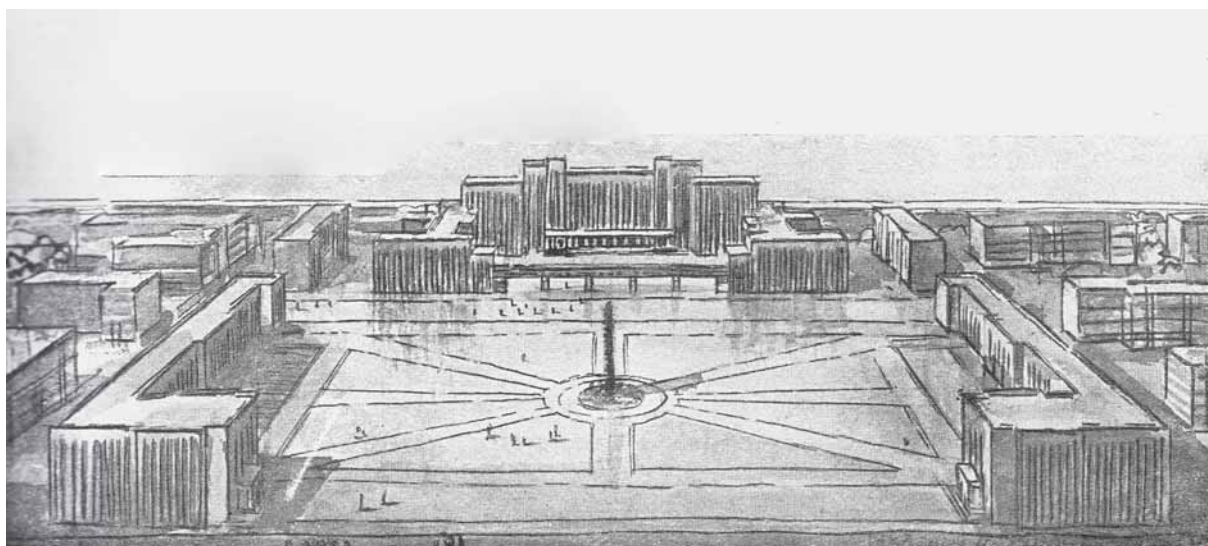
Этот процесс – «искусственно-принудительная ускоренная урбанизация» – продолжался на протяжении всего советского периода. И сегодня по показателям урбанизации Россия обгоняет многие страны, индустриально оказавшиеся развитыми значительно лучше нас.

Сверхурбанизация давно уже не является синонимом прогресса. Самые крупные по численности города далеко не всегда оказываются самыми привлекательными для обитания (даже такие «самые-самые» с точки зрения традиционной российской идеологии «имперского гиперцентрализма», как Москва). Совершенно иные параметры вышли в последние десятилетия на первое место в оценке качества жизни и роли поселений в культурном, образовательном, социальном, профессиональном существовании людей.

В послеперестроечный период ситуация в российском градостроительстве резко изменилась. Но по многим аспектам Россия по-прежнему идет «особым» путем. В частности, в идеологии управления городами советские постулаты дожили до нашего времени практически в неизменном виде: до сих пор подавляющее большинство депутатов и руководителей муниципальных образований уверены, что главный источник существования и развития поселений – это производство. Сегодня требование улучшения «качества среды обитания» является лишь модным лозунгом, а не критерием принятия текущих решений о землеотводах. Городская среда российских поселений развивается не по законам реализации пла-

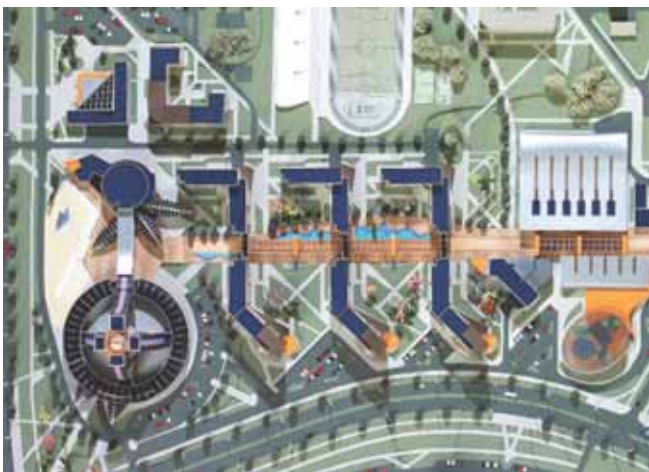
▲ Планировка социалистического поселения. Проекты, рекомендуемые к практической реализации. Цekomбанк. 1928–1929 гг. (Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929. С. 107, 109)

< Типичный центр советского города. Сталинград, арх. И. Г. Лангбард. Перспектива центра города со стороны Волги. 1933 (Ежегодник Ленинградского общества архитекторов-художников. 1935. № 14. С. 88, 89)

Стихийное возникновение полублагоустроенных поселений-сателлитов на хаотично отводимых пригородных землях
(<http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?t=1081763&page=3>)

Художественно-композиционный подход к проектированию («планировочная живопись»)
(http://ais.by/sites/default/files/images/2007_5/Pg_40_im_0003.jpg)

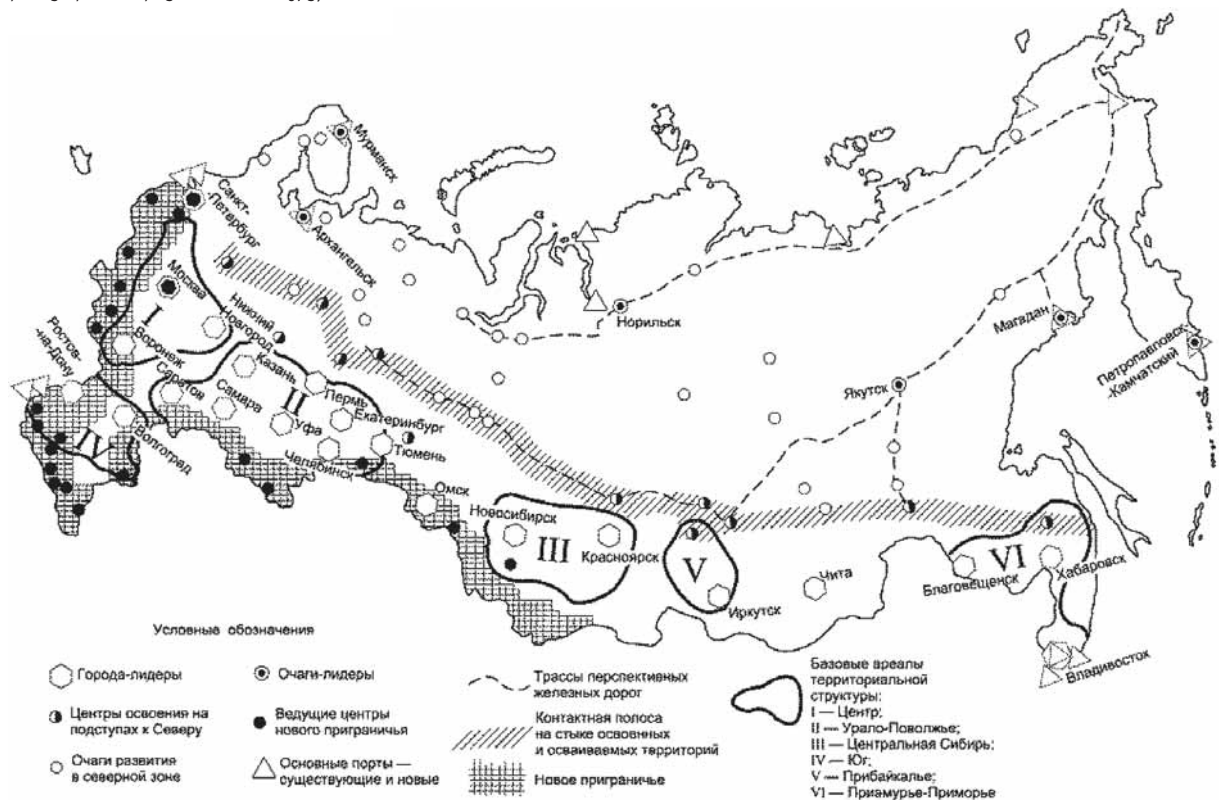
нировочных решений, а по факту наличия средств в городском бюджете, после того как он «распиливается» на ежегодные коррупционные ремонты дорог или закупку уборочной техники, которая почему-то тут же ломается и т. п.

Кое-кто называет послеперестроечный период – период конца 1990-х – начала 2000-х годов – «расцветом планировочной свободы». Подчеркивая тот факт, что в этот период диктат центральной власти исчез, а общегосударственные нормы и предписания стали необязательными. Внешне действительно это выглядело именно так. Особенно на фоне отказа от жесткой системы планировочных нормативов, существовавшей в СССР и сильно осложнявшей свободу творчества. Но творчество творчеством, а советские нормы гарантировали наличие в соцгородах крупных массивов зелени, наполнение городской среды минимально необходимым набором функций – парковками, спортплощадками, рекреационными зонами, детскими игровыми зонами и прочими объектами, без которых невозможно комфортное существование в городской среде. Советский архитектор, опираясь на нормативы, профессионально отвечал за качество городской среды. Он был необходим обществу, так как выполнял важную социальную функцию: нес знание о том, что необходимо делать, чтобы с каждым новым архи-

тектурным или градостроительным проектом среда обитания менялась в лучшую сторону.

В послеперестроечный период, пока шла борьба между центральной властью, выстраивающей вертикаль подчинения себе, и местными властями, отстаивающими свои права на управление своими кусочками территории, российские города получили: а) разрушение логики существовавшей планировки за счет точечной бессистемной застройки всех возможных и невозможных городских земель; б) тотальное уничтожение общественных пространств; в) хаотичное возникновение и безудержный рост поселений-сателлитов, как правило, неблагоустроенных и совершенно не обеспеченных объектами обслуживания; г) стихийное расположение территорий городов, д) развал инженерной и транспортной инфраструктур и проч.

И все это происходило на фоне массового попадания и архитекторов, и уж тем более заказчиков в русло пленительной моды на «планировочную живопись». Полное отсутствие социальной проблематики и установки на решение социальных и культурных проблем, погоня за внешней привлекательностью, «визуальной экстравагантностью» и «эксцентричным планировочным схем» стали характерными признаками практически всех планировочных работ последнего десятилетия. Все это активно процветает и ныне.

> Очаги индустриального развития СССР (Лаппо Г.М. Территориальная структура России в начале XXI века [Электронный ресурс]. – <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200203304>)

Сегодня все продается и все покупается. Каким быть городу сейчас, решают не специалисты, а коррупционная система, воспринимая городскую территорию исключительно как неиссякаемый источник для обогащения местных элит, чиновников и их приближенных.

Системе территориального планирования и объемного проектирования, сложившейся на сегодняшний день в России, архитектор не нужен. Он, как реликтовый пережиток прошлого, заполняет своей суетой случайно сохраняющееся за ним место в процессах инвестирования денег в недвижимость. Однако в подавляющем большинстве ситуаций он необходим лишь как вынужденная (потому что предписана законом) степень в процессе комплектования документов, разрешающих строительство. А потом все начинает происходить без его участия и без его контроля. Более того – часто абсолютно вопреки его замыслам, воплощенным в чертежах. Знания архитектора, его мысли, его предложения «по улучшению и совершенствованию» оказываются никому не нужными: недвижимость и землю и так расхватывают, раскупают, «распилят».

Проектирование любого города в Советском Союзе основывалось на представлении его как единого организма, части которого должны быть гармонично соединены в целое. Сейчас город разорван на клочки – территории, хаотично застраиваемые теми, кому удалось выторговать их у мэрии или перекупить у более удачливых спекулянтов земель. Все более часто звучат обвинения в адрес городских властей в том, что те препятствуют разработке и принятию всего комплекса документов территориального планирования и постоянно принуждают планировщиков перерабатывать генпланы только для того, чтобы задним числом ввести в них неправомерно, «втихушку» осуществленные землеотводы.

Сегодня принципы советского градостроения отвергнуты, но ничего не предложено взамен. В современной России практически не выдвинуто ни одного внятного, однозначно трактуемого тезиса, способного их заменить. Сегодня отсутствует градостроитель-

ная концепция, в рамках которой могли бы эффективно существовать и развиваются постсоветские города! На данный момент даже в теории урбанистики (не говоря уж о практике разработки документов территориального планирования) нет ясного и очевидного взгляда на ту стратегию градостроения, которая должна приводить к улучшению качества среды современных российских городов. Элементарной «болтовни» по этому поводу очень много. Но ответа на вопрос: что такое российский город сегодня, какова сверхидея, способная одухотворить его повседневное существование и придать смысл его будущему, – этого нет.

Сегодня в российской профессии планировщика соседствуют, довольно плохо уживаясь друг с другом, три источника (они же – три составные части): а) демократические основания, законодательно заложенные Градостроительным кодексом; б) «советское» по своей природе профессионально-идеологическое представление о миссии архитектора в социуме – о том, что «профессионалы лучше всех знают, что нужно населению» (и это убеждение, замечу, сегодня во многом вполне справедливо); в) реальные механизмы принятия решений извне – извне, из-за границ планировочной деятельности – в эшелонах власти, а также механизмы принуждения, заставляющие разработчиков документов территориального планирования визуализировать и воплощать эти «чуждые» решения.

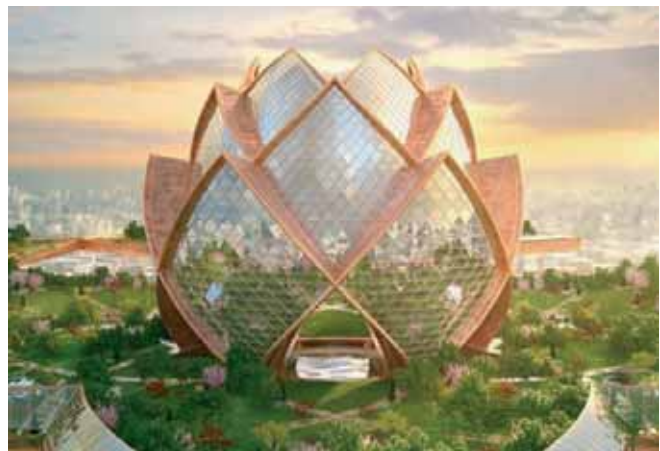
Нежелание осознать и изменить это положение проистекает из полной убежденности местной и центральной власти в том, что кроме нее нет и не может быть иного «субъекта» управления поселениями; в том, что никто, кроме нее, не способен решать текущие проблемы и ставить перспективные задачи развития территорий. С каждым годом в России роль власти в вопросах территориального развития усиливается. Власть абсолютно точно так же, как это было в советский период, остается главным заказчиком – единственным диктатором урбанистических стратегий. И она ни под каким видом не откажется от этой весьма экономически выгодной «миссии».

> Сверхидея. Город будущего в условиях глобального потепления – город-корабль. Арх. Винсент Каллебот (Vincent Callebaut) (<http://www.peopleofdesign.net/2008/06/pla-vayushhie-goroda-budushhego>)

Сверхидея. Город будущего глазами китайских архитекторов. Компания MAD Architects, Пекин (<http://infuture.ru/article/1123>)

^ Сверхидея. Город будущего глазами британских архитекторов. Арх. Цветан Тошков (Tsvetan Toshkov) (<http://www.liveinternet.ru/tags/%E3%EE%F0%EE%E4+%E1%F3%E4%F3%F9%E5%E3%EE>)

^ Город Чжэндун (Китай). Международный выставочный центр, Музей искусств провинции Хэнань и отель «Новый Чжэнчжоу» (Проекты-победители закрытых международных конкурсов в Китае в 2001–2002 гг. // Проект International. 2004. № 7. С. 88–120)

1. Бабуров В. Китайский эксперимент [электронный ресурс]. – http://archi.ru/files/press/texts/2005/sovr_dom_02_2005_01.htm

v Город Чжэндун (Китай). Деловой район (Проекты-победители закрытых международных конкурсов в Китае в 2001–2002 гг. // Проект International. 2004. № 7. С. 88–120)

Демократический (западная горизонталь)

Западный путь был и до сих пор остается кардинально иным. Потому, что он основан на иной законодательной базе, на иной роли самого закона в повседневной жизни людей и городских сообществ. Этот путь является проявлением волеизъявления жителей, объединенных в соседские общины и территориальные общности различного масштаба. Этот путь опирается на реальный социальный заказ и на реальное мнение конкретных (а не статистически абстрактных) жителей, имеющих своих реальных, а не фиктивных представителей – депутатов. Которые выражают интересы людей, а не послушно голосуют (как это происходит в российской политической повседневности сегодня) за навязываемые им свыше решения, потому что тотально зависимы от власти.

Западный путь – это путь в направлении, противоположном советскому. Пусть снизу вверх. Это путь, на котором урбанистические процессы естественным образом иницируются снизу. В его рамках парадигма проектного мировоззрения основана на утверждении индивидуального подхода к каждому городу. В этой парадигме участие населения стремится к максимуму. А влияние местных властей сводится к предельно возможному минимуму. И власти не возражают.

Урбанизм на перепутье (вертикальная горизонталь)

Здесь начинается самая острая, спорная и самая неочевидная часть моих наблюдений и соображений. Их я выношу на ваше обсуждение.

Сегодня современный Восток (Китай, арабские страны, Россия, среднеазиатские государства – осколки прежнего СССР, Индия и др.) – это очень специфическое правовое пространство принятия градостроительных решений. В нем потребитель

лишен каких бы то ни было прав во влиянии на планировочные вопросы. Это то место, где «восточная» вертикаль власти и нежелание отдавать населению даже крохотные частички функции городского управления, сплетается с надеждой властей всех уровней на благотворное влияние «западного» творческого начала. Власть искренне уверена, что придут западные архитекторы и сделают все так же комфортно и рационально, как на Западе. Но они получают право прийти в эти страны при определенном условии: они должны исполнять пожелания власти, т. е. при условии полного забвения «западных» законодательных и социальных основ и полного отрицания демократических процедур волеизъявления горожан.

Современный специалист-планировщик, попадающий в плен этих условий, оказывается в своеобразной ситуации «проектного вакуума». Он ничем не ограничен и ничем не мотивирован, кроме одного – сделать так, чтобы угодить заказчику. Чтобы не возникло взаимных трений с властью, которая, собственно, и платит деньги. Или же специалист-планировщик оказывается в полной зависимости от инвестора, который в странах Востока, в свою очередь, полностью зависим от власти. В результате позиция специалиста-планировщика оказывается очень схожей с лакейским вопросом «чего желаете».

Подавляющее большинство градостроительных проектов в такой, например, стране, как Китай, выполняется сегодня крупными государственными институтами (вроде наших «моспроектов» и «цниипов»¹). Но к работе активно привлекаются и иностранные фирмы. Это известные архитекторы и планировочные бюро Запада: Витторио Греготти (Италия), Жан-Мари Шарпантье (Франция), Майнхард фон Геркан и Альберт

< Низкоплотная обособленная застройка европейско-американского типа, предлагаемая иностранными архитекторами к возведению в Китае
(<http://www.bjshymp.gov.cn/level3.jsp?id=20416>)

> Город Шеньчжень (Китай). Городские магистрали, устроенные без учета климатических особенностей местности
(http://www.galerie-clairefontaine.lu/gcf_site/Bialobrzkeski%20/pages/bialobrzkeski%20Shenzhen.htm). Фото автора

Шпеер (Германия), С.У. Lee (Тайвань), Atkins (Великобритания) и другие.

Значительная часть современных «восточных» проектов, выполненных европейскими и американскими архитекторами (например, для Китая), не решают никаких социальных задач. Результаты их проектного творчества – это, как и в России в послеперестроечный период, «планировочная живопись».

Кто-то предлагает возводить 200–300-метровые небоскребы, не отвечая на вопрос: зачем они нужны – и игнорируя тот факт, что стратегия строительства высотных жилых и общественных зданий противоречит экономической целесообразности и экологической парадигме.

Кто-то проектирует низкоплотную обособленную застройку европейско-американского типа, не обращая внимания на то, что она разрушает традиционную социально-организационную основу китайского общества – локальную соседскую общину (которая в Китае обозначается понятием «низовая демократия городских жителей» – аналог российскому термину «территориальное общественное самоуправление»).

Кто-то лишь «оформляет» застройкой прямые магистрали, не замечая при этом климатических проблем, возникающих в результате того, что многокилометровые «аэродинамические трубы застройки» инициируют зарождение штормовых ветров, резко ухудшающих условия повседневного обитания. И т. п.

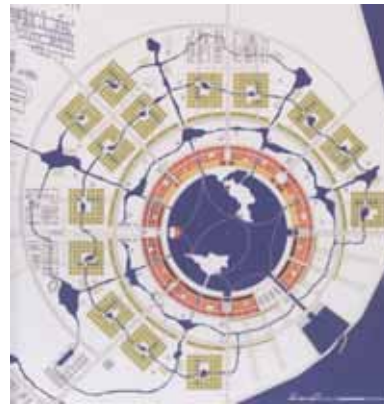
Деятельность западных архитекторов на Востоке в подавляющем большинстве случаев лишена социальной

миссии и социальной ответственности. Она превратилась в «архитектуру слоганов». Не социальное, культурное или функциональное содержание определяют суть проекта, а литературно-романтические образы, вроде: «Город страсти», «Квартал Воспоминаний», «Авеню Созерцания», проспект «Ось Времени» и т. п. Эти названия взяты мною из пояснительных записок к проектам китайских городов-спутников, выполненных европейскими планировщиками. Вполне именитыми проектировщиками.

Проекты планировки, утратившие культурный смысл места и времени и лишенные социального содержания, с неизбежностью превращаются в «монтаж визуальных цитат». Например, авторы проекта Гаоцяо – нового города-спутника Шанхая (arch. Ashok Bhalotra, Wouter Bolsius), предлагают «в центре зоны отдыха построить «город-форт», окруженный бастионами и рвом. Они считают, что он будет «напоминать идеальные города эпохи Возрождения». Но авторы не поясняют, зачем нужно подобное «напоминание» населению современного Китая?

Другие авторы предлагают превратить Пуцзянь – еще один город-спутник Шанхая – в «итальянский» город (arch. Audusto Cagnardi, Vittorio Gregotti). Третьи авторы (arch. Meinhard von Gerkan, Nikolaus Goetze) предлагают уподобить планировку еще одного спутника Шанхая – города Лучао – «кругам волн, расходящимся от упавшей в воду капли».

Но ни авторы, ни заказчик (городские власти) не отвечает на вопрос:

< Город Лучао (Китай). Генеральный план (Бабуров В. Китайский эксперимент [Электронный ресурс]. – http://archi.ru/files/press/texts/2005/sov_r_dom_02_2005_01.htm; Проекты-победители закрытых международных конкурсов в Китае в 2001–2002 гг. // Проект International. 2004. № 7. С. 88–120)

> Город Гаоцяо (Китай). Концепция генплана (Проекты-победители закрытых международных конкурсов в Китае в 2001–2002 гг. // Проект International. 2004. № 7. С. 88–120)

2. Три Москвы [электронный ресурс] 2009., 1 п.л. – режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Tr-i-Moskvy> – на русс. яз.

зачем в китайской провинции нужно строить «голландский» или «французский» город? Никто не пытается доказать, что социальные процессы жизни в современном Китае (или в Китае завтрашнего дня), выраженные через планировку поселения, подобны «волнам от падения чего-либо в воду».

И – это самое важное – никто не ставит перед собой задачу дать ответ на важнейший вопрос: каким должен быть современный именно китайский город? Какие специфические социальные процессы, происходящие в китайском обществе, должны быть выражены и закреплены в архитектуре и планировке его городов? Какие существуют специфические тенденции и следует ли планировочно способствовать их развитию, или, напротив, необходимо целенаправленно противодействовать им, сознательно изменяя курс развития урбанизированных территорий? Какая среда обитания завтрашнего дня должна создаваться сегодня, чтобы выступать образцом для органов власти и жителей стран Востока? (Замечу, голландский или французский средневековый город в качестве такого образца абсолютно неуместен.)

Градостроительные проекты не превращаются в средства управления территориями, приводящими их к заранее рассчитанному и продуманному состоянию.

Сегодня в отношении стран, переживающих урбанистический рост и одновременно крах системы управления средой обитания, одинаково не подходят ни один из двух существующих подходов к территориальному планированию. Ни западный, основанный на демократическом волеизъявлении населения, ни «советский», основанный на централизованном административном управлении.

Участие городских и региональных планировщиков в развитии городов в странах современного Востока должно опираться сегодня на совершенно новые знания, профессиональную идеологию, теорию управления процессами урбанизации и социально-ориентированную философию разработки документов территориального планирования, которые были бы адекватны для городов Востока. Стратегия для этих городов должна быть основана не только и не столько на оптимизации транспортных магистралей, сколько на решении вопроса о том, какой тип транспорта должен стать преобладающим в городах завтрашнего дня – личный (персональный), общественный (муниципальный) или частный (предпринимательский).

Стратегия для этих городов должна быть основана не только и не столько на удержании разрастания городов, сколько на определении «природы» урбанизации: например, должны ли города расти вверх или обособливаться в локальные среднетажные поселения; какой должна быть мера «партийно-государственного принуждения» к ограничению роста урбанизированных территорий и какими должны быть финансово-экономические механизмы регулирования численности населения городов и т. п.

Стратегия для этих городов должна быть основана не только и не столько на исправлении экологии (хотя это очень важно) или на социально-реформаторских идеях преобразования общества (что также актуально). Ей недостаточно опираться на теории Джеймс Джекобс, Кевина Линча, Эбизенера Говарда, Патрика Аберкромби, Норберга Шульце, Кристофера Александера, Ильи Лежавы, Алексея Гутнова и др.

Она должна основываться на совершенно ином. Причем, учитывая тот факт, что в странах Востока:

– во-первых, централизованная административно-командная система не способна выступать в роли «полноценного» заказчика, так как, будучи абсолютно отрезанной от общества, она не заботится о населении, а диктует проектировщикам лишь те стратегии принятия решений, которые выгодны (в том числе и экономически) только ей самой;

– во-вторых, рыночный либерализм, не ограниченный общественным контролем, не ведет к стихийному насыщению городской среды разнообразными функциями и, следовательно, к улучшению качества жизни, а приводит лишь к разграблению городских территорий и обогащению отдельных лиц (или кланов) за счет спекуляций землей;

– в-третьих, население бесправно, территориально организовано лишь формально, но, по сути, не самостоятельно, легко манипулируемо; а кроме того, лишено ценностей (моральных, экологических, культурных, исторических, демократических и проч.); оно своекорыстно, и его решения не приводят к рациональному распоряжению территорией и улучшению качества жизни.

Создание и распространение знаний по развитию городов и регионов – основная цель ISOCARP. Сегодня ISOCARP необходимо инициировать работу по обобщению опыта градостроительного проектирования для стран Востока последних 10–15 лет. И

на его основе осуществлять выработку рекомендаций, постулатов, методологии.

Только в тесном сотрудничестве с ведущими планировщиками, с университетами, научными организациями возможна совместная выработка новой профессиональной идеологии, мировоззрения и теории стратегического планирования, которые были бы адекватны для стран Востока, переживающих сейчас, с одной стороны, стремительный урбанистический рост, с другой – кризис системы управления территориальным планированием. Кризис самого смысла планировочной деятельности.

Только через формирование нового знания, новой теории управления процессами урбанизации и новой социально ориентированной философии разработки документов территориального планирования можно реально содействовать правительственным и иным органам, заинтересованным в подлинном развитии среды обитания на гигантских территориях, переживающих сегодня свое переосвоение.

Марк Меерович

ПРИМЕЧАНИЕ

Идеология «кимперского гиперцентрализма» заключается в максимальном укреплении централизованного милитаристского государства, обладающего следующими признаками:

- 1) максимально широкие полномочия верховного правителя;
- 2) подчинение всей духовной жизни правительственной регламентации;
- 3) всеобщая принудительная государственная служба;
- 4) систематическое пренебрежение правами личности, а также нравственными и эстетическими соображениями ради увеличения военно-политической силы государства;
- 5) административные ограничения на культурный и экономический обмен с внешним миром;
- 6) высокая доля ресурсов, изымаемых у населения, поступающая в распоряжение центрального правительства;
- 7) сосредоточение всех властных функций в одном месте (одном городе²).